

РАССКАЗЫ

Сумерки

Вечереет. Сумерки, и, кажется, что еще не стемнело, а включишь лампу – и сразу комнату заполнит яркий искусственный свет, и окна выступят черными прямоугольниками. На улице темно и фонари оранжево разливают одиночество. Прохожие спешат домой, каждый сам по себе, и окна в домах загораются одно за другим, светятся, кажутся уютными, и завораживают, хочется смотреть и смотреть на нарядные чужие окна. Ей кажется, что там, в чужих домах, в чужой жизни все радостно, безмятежно, и люди живут непременно счастливые, и жизнь у них хорошая, веселая, не такая, как у нее.

А у нее ведь не хуже, чем у других, семья хорошая, папа и мама, и Саша, все здоровы, не больные, не нищие, и сама она здоровая, неглупая, и симпатичная даже, и работа есть, и друзья – так что же еще нужно? Все ведь хорошо, все в порядке, а она стоит в сумерках у окна, и грустит, и думает про чужую счастливую жизнь.

- Лиза, ты почему в темноте? В темноте страшно.

- Ну что ты, Сашенька.

- Мне страшно. А тебе разве нет?

- Нет. Мы с тобой сейчас свет включим, и тебе тоже не будет страшно.

- Лиза, а я нарисовал собаку. Смотри!

Собака на Сашином рисунке похожа на фиолетовую колбасу с зубами и пушистым хвостом.

- Хорошая собака. Сашенька, а почему она фиолетовая? Не бывает же фиолетовых собак.

- А у меня бывает. А может, она такая родилась? – спорит Саша.

- А в природе не бывает фиолетовых собак.

- Откуда ты знаешь? – Саша смотрит с интересом и, как ей кажется, немного иронично.

- Просто знаю. Не бывает таких собак, и красных собак не бывает, и зеленых.

- Почему?

Почему? Ну как ей объяснить это пятилетнему мальчику? Все-таки трудно ей бывает с ним. Она привыкла общаться со взрослыми – с мамой и папой, с однокурсниками, теперь с коллегами. Никогда она не общалась с детьми. А теперь есть в ее жизни этот мальчик, ее племянник, сестра часто просит посидеть с ним в выходные и в будни, потому что ей, сестре, надо устраивать личную жизнь, а ребенок ей мешает. Раньше не мешал, а теперь вот мешает. Кому нужна женщина с ребенком, с которым нужно сидеть, заниматься, присматривать за ним? Сестра оставляет сына с родителями и Лизой, а сама, красивая, нарядная, с загадочной улыбкой отправляется устраивать свое счастье. А у Лизы нет никакой личной жизни, все равно по

вечерам сидит дома. Так почему бы не присмотреть за племянником?

...А Саша смотрит на нее своими карими глазами, смотрит внимательно, ожидая от нее ответа на очередной свой детский вопрос. Ну как ей объяснить ребенку очевидные вещи?

- Лиза!

- Да.

- Что да? Почему не бывает фиолетовых собак?

- Потому что не бывает. Не бывает, и все, - злится она.

Саша выходит, притихший, опустил голову. Она смотрит в сумерки. Ну почему она не сдержалась, рассердилась на него? Он ведь ребенок, задает свои вопросы, а она злится. Саша, наверное, обиделся, сидит где-нибудь в уголке, маленький мальчик со своей фиолетовой собакой, неприкаянный, никому не нужный. Она смотрит в сумерки. Маленький Саша никому не нужен, и она, Лиза, никому не нужна. Живет своей серой скучной жизнью и всегда будет жить. Ходит на работу и с работы, сидит дома, читает, смотрит телевизор. И так идут дни, один, за ним другой, дни складываются в недели и месяцы, ничего не меняется, и сама она не меняется. Знает, что правильно и что неправильно, что бывает и чего не бывает, и сама себе кажется такой же скучной, серой и незаметной, как ее жизнь.

... Ну зачем она прицепилась к этому рисунку? Нарисовал племянник фиолетовую собаку – и ладно. Зачем начала его учить, доказывать что-то? Мать у него есть, она пусть и учит. А у матери личная жизнь. У Саши – его рисунки, его собаки и детские фантазии. А у Лизы – сумерки.

- Лиза.

- Что?

- Ты сердисься?

- Нет, не сержусь.

- Лиза, ну извини меня. Ну я же не знал, что не бывает таких собак. Я думал, вдруг бывают.

- Саша, рисуй, как тебе нравится. Нравятся тебе фиолетовые, рисуй фиолетовых.

- Лиза.... Ты грустная. Ты из-за меня грустная, да?

- Нет, Сашенька, не из-за тебя, ну что ты.

- Лиза...а может все-таки есть где-нибудь такая собака? Просто ее никто не видел, и думают, что ее нет, а она на самом деле есть.

- Может, и есть, Сашенька, я не знаю.

Действительно, может, есть фиолетовая собака? Ну почему ее не может быть? А почему не может быть у Лизы веселой и радостной жизни, а не серой и тягучей, как будто один день повторяется много-много раз?

Ну почему не может она радоваться просто так? Все стоит и смотрит в окно, в весенние сумерки, жалеет себя. А зачем жалеть? Разве она несчастная? Разве не может она жить так, как ей нравится? И личную жизнь

устраивать, и быть красивой, и загадочно улыбаться, и стать такой яркой, веселой, ходить с подружками в кафе, трещать о всякой ерунде, и смеяться просто так; а летом ухать куда-нибудь – так, чтобы в один день сорваться с места, и поехать туда, где не бывала еще, на море, загорать, купаться и закупить кучу дурацких сувениров; или поехать с друзьями в поход - ее ведь давно звали, а она все отказывалась - и спать в палатке, пить чай или вино, или водку из старой эмалированной кружки, сидеть у костра, слушать песни, и говорить о чем-то жутко серьезном, спорить до утра, и купаться в прозрачной холодной реке...

Зачем она каждый день смотрит в эти сумерки, и страдает, и чего-то ждет? Почему не изменить ей все сегодня, вот прямо сейчас? Зажечь свет во всей квартире, музыку включить, и дурачиться с Сашей, и радоваться вместе с ним. Он радуется так, как умеют только дети, и смеется звонко и так счастливо – но Лиза ведь тоже когда-то была маленькой, и тоже так умела, может быть, и сейчас получится?

... Сестра забрала Сашу домой. Саша уехал и забыл свою фиолетовую собаку, вытянувшуюся на белом листе из альбома. Лиза оставила рисунок у себя на столе. Саша, наверное, и не вспомнит о нем, в его детской жизни столько всего интересного и нового, столько впечатлений каждый день: люди, книжки, мультфильмы, игрушки.

Лиза оставила собаку себе. Она будет смотреть на неумелый детский рисунок, и думать о том, как поедет на море, или в поход, или еще куда-нибудь, и улыбаться, а если улыбаешься – значит, уже не грустно, и не безнадежно, и нет одиноких оранжевых фонарей в сумерках.

Капитуляция

Тишина. Ночью тихо, все мирные граждане спят, только изредка слышны шаги припозднившихся прохожих – спешат домой. Или вон сосед выгуливает своего «немца», приспичило питомцу на прогулку, вытащил ночью хозяина на улицу.

... Он курит и смотрит вниз, на темный двор. Тишина непривычна. Там все по-другому - совсем не так, как здесь, дома. Вернулся, черт возьми. Давно уже вернулся, а всё места себе не находит, не спит по ночам, курит на балконе, теряет в своих мыслях.

Здесь все непривычно. Другая жизнь, новая, а он вне ее, не для него эта жизнь. Вроде вернулся, а как будто нет его. Днем ходит по улицам, смотрит на разноцветные вывески, магазины, новостройки, смотрит на людей. И люди как будто другие. Чужие, и он для них чужой.

...Мать опять сегодня говорила что-то о работе, предлагала устроить его к каким-то знакомым в фирму. Зачем? К чему? Как он будет работать в этой фирме: носить серый костюм и теряться среди таких же серых,

одинаковых, протирать штаны, делая вид занятого человека, а на самом деле – бездельничать? И снова будет чужим, серые и одинаковые никогда не поймут его, а он не поймет их: их безделья, их желанья заработать быстро, не напрягаясь и ничего не делая. И кем он будет работать? Закупщиком скрепок и ластиков, которого теперь гордо именуют «офис-менеджер»? Или сотрудником офиса, который сидит за компьютером и раскладывает пасьянсы? Глупость.

... Он опять сегодня, как и вчера, и неделю назад, объяснил все это матери, а она опять расстроилась, смотрела на него с упреком. Сегодня смотрела с упреком, а иногда смотрит с испугом, как будто не может понять – кто он? Как будто вместо сына вернулся совсем чужой человек. Даже для матери он стал чужим.

И для Оленьки он чужой, она все время спрашивает, в чем дело, почему он молчит, чем недоволен, о чем думает, и злится, когда он не отвечает, надувает свои накрашенные губки и старательно всхлипывает. Оленька..... Раньше была Анечка, которая не дождалась его, нашла себе вполне состоятельного и стандартного, тоже, наверное, какого-нибудь менеджера, сотрудника фирмы. Анечка даже письма об этом не написала, ему сообщила мать. Была Анечка, теперь вот Оленька, дальше, возможно, будет Машенька или Светочка – какая разница? Все они чужие. Все они ждут от него чего-то, и жалеют, и смотрят с сочувствием, как будто он болен. А он здоров, просто здесь он не нужен. Вернулся домой со своей сверхсрочной: он устал, и хотел домой, к родным, и ждал этого, и радовался, и гордился собой, а здесь он не нужен никому, здесь витрины, машины, офисы, здесь нужны серые и одинаковые – у них работа престижная, модная.

Без погон он для них – никто. Он может надеть серый костюм, пойти работать в офис и стать...кем? Рядовым армии бездельников? Будет ходить на работу и с работы, женится на Оленьке (или Машеньке, какая разница), будет жить спокойно, копить деньги, раз в несколько лет встречаться с бывшими сослуживцами, вспоминать «былые дни», пить за встречу, а потом приходить домой и встречать Оленькин укоризненный взгляд. Его сын будет «косить» от армии, сам он будет смотреть по выходным телевизор, ездить на дачу с тещей, а потом опять будни, костюм, офис.....

Не может он так жить. Он ведь другой. Ему никогда не нравились офисы, костюмы, невнятные должности, ему не нравилось быть бездельником; ему нравилась служба, он гордился тем, что служит, имеет звание, может быть полезным своей стране. А оказалось, и мать, и родственники, и оленьки, и друзья службу его считали глупой и опасной, его жалели, а о Родине просто-напросто не думали. Кто ж сейчас о ней думает – своих проблем вон сколько?

Он докурил, выбросил окурок вниз. Вошел в комнату, лег. Сейчас нужно заснуть, а завтра достать костюм, привести его в порядок и туфли почистить, чтобы пойти на собеседование в фирму, где работают знакомые матери.